

Наталья Слюсарева

Оберег Никитского бульвара

Образ

Слушайте, таких глаз не бывает, таких ресниц — стрельчатых копий, собранных частым частоколом вокруг чёрных солнц, — не бывает. Таких нарядов, как на ней, — не бывает. И вся она — оберег Никитского бульвара — из страны «Не бывает». А вот на удивление всю жизнь топчет в своих сафьяновых уггах или японских гири подмосковные, владимирские, калужские перелески. О себе молвит скромно: «почвенница». Трактуйте как хотите. Если не по Москве хвостиком за экскурсоводом, то в свободные дни охотно сорвётся в теремные с узорчатыми наличниками Мышкины, Звенигороды, Тарусы, Торжки. Последнее, впрочем, объяснимо: у супруга, художника Николая Костромитина, — персональная выставка в Торжке.

Её фамилия Метакса́ — ударение на последнем слоге — древнейшая, византийская. В Греции достаточно распространённая. В ней по линии отца Христофора — кровь греческая, по линии мамы — польская, украинская, немецкая. В её случае победил греческий ключ. Магия Византии, создавшей победное искусство торжества с куполами, мозаиками, фресками, обращённое к образу с его внутренней глубиной, разлита на этом лице. Своим тронным залом Татьяна Метакса выбрала музей Востока на Никитском бульваре. Она — советник Государственного музея искусств народов Востока, почётный член Российской академии художеств — создала из своей жизни поступь, из себя объект, эстетическое событие. Кто-то неспроста почувствует в ней личность, обладающую тайным знанием, читающую книгу жизни, с сильной волей, верящую только в себя. На кого-то эта византийка произведёт впечатление артефакта из музейного зала, для которого не подобран пока соответствующий постамент. Подходите, любуйтесь, но руками не трогать — может в ответ полыхнуть язычком пламени, язычок острый. Победа над таким солнцем никогда не будет одержана.

Семья

«Мои родители были очень похожи друг на друга и внешне, и внутренне. Папа обладал очень сильным характером. Он прошёл всю войну, и по жизни на его долю выпало много испытаний, однако он навсегда остался верным приверженцем советского

Диана Воуба. Татьяна Метакса́

строю. „Никогда не жаловаться, не ныть“ — это главный урок, который я получила от отца. Семья была большая, много родственников. Родители всегда всем помогали. Они расписались 12 мая 1945 года. Какое же это было ликование. В моей жизни этот всплеск радости повторился ровно 12 мая 1968 года, когда я родила дочку Машу».

Черноглазой ясной девочке с косами досталась настоящая большая греческая семья с двоюродными, троюродными братьями, дядьями, один из которых, Георгий Дионисович Костаки, дядя её отца, известен в истории искусств как великий собиратель русского авангарда.

В детстве закодированы знаки будущей личности. Как много от той поры в душе сокрыто истинных сокровищ. Послевоенная эпоха всеобщего подъёма навсегда зарядила оптимизмом членов семьи Христофора Фёдоровича Метаксы. Значительный покров, драгоценная материя любви соткана лаской маминых рук, её голосом. Свою жизнь Танина мама, Евгения Ивановна, целиком посвятила семье, растила детей, потом внуков. Папа был человеком твёрдых принципов, несгибаемых убеждений.

Дружный рой семейств Костаки и Метаксы объединяло неотступное желание постоянно общаться и столь же сильное желание — помогать друг другу. Старинный деревянный дом в Баковке помнит многолюдные собрания родни на Новый год и Пасху. На чердаке того же дома хранилось много картин художников авангардистов, мало тогда ценимых.

Не по годам начитанную девочку с детства привлекало всё героическое. Могла и всплакнуть, и сжать в гневе кулачки, читая о подвигах юных комсомолок — Лизы Чайкиной, Зои Космодемьянской, и совсем уж расплакаться навзрыд на просмотре фильма о молодогвардейцах. Известный олимпийский завет барона де Кубертена: «Главное не победа, а участие», — ближе ей в трактовке: «И участвовать, и побеждать!» Олимпийский, никогда не гаснущий, огонь внутри достался ей от отца.

Коктебель

«Повторяя за Цветаевой, могу сказать, что Коктебель — родина моей души. Здесь я ощутила приток сил. Открыла новый для себя пласт людей — творческая богема. В посёлке на холме строился силами друзей дом, хозяин которого, Юрий Иванович Киселёв, инвалид без ног, возглавлял движение по защите прав инвалидов. Это был самый радушный и весёлый человек. Встреча с ним и общение — одна из памятных мет в моей жизни. Всё было чудесно, всё было радостно. Срывались в походы, устраивали мистерии. Воздух дрожал от творческих вибраций».

Очутиться в середине 1970-х в Коктебеле, который именовался тогда Планёрское, — несказанное счастье, особый дар судьбы. Веками это изрезанное бухтами побережье, привлекавшее к себе болгар и греков, генуэзцев и венецианцев, представляло собой один из оазисов на пути великих переселений. Но в пору явления Татьяны на эти берега Планёрское — «край голубых холмов» — всего-навсего сиротливо уместившийся в ладони горного массива чёрной горы Кара-Даг неказистый посёлок между Судакком и Феодосией. Посёлок сельского типа, перебрасываемый, как теннисный мячик, время от времени то под судакское, то под феодосийское управление, впрочем, не ощущавший на себе от этого никакой пользы. Время, как древнегреческая маска, казалось, застыло над этим скромным входом в Аид. В те годы — никаких ещё разномастных многоэтажек, флюгеров и пирамид новомодных отелей, дешёвых лавчонок и кафешек, зато — открытая глазу до дальних холмов вся береговая линия с песчано-галечным пляжем и одиноким огоньком на кордоне чёрной горы, где в прошлые сезоны склонялся над своими рукописями Константин Паустовский.

Возможно, так бы и спали веками эти белёсо-голубые холмы, если бы в начале прошлого века

Георгий Дионисович Костаки. Фото Игоря Пальмина

не выбрал Коктебель местом для своей кузницы почти мифический персонаж, новый Гефест — Максимилиан Волошин. Удары о наковавшую вошли в унисон с сердцем соседнего вулкана, с его ещё не остывшей магмой. Над Коктебелем седой полынью стал возрастать серебряный куст силы. Оседая над коктебельскими дворами, разлетелись веером искры фантазии, выплески воображения. С подачи Макса, создавшего «Орден Обормотов», новые служители культа свободы, творчества, карнавалы-расхристанные сборища богемы, раскинув свои шали и юбки, осели на этих холмах.

Одним августовским солнечным утром Татьяна высадилась на Судакском шоссе на автобусной остановке посёлка Планёрское и пошла в единственно верном направлении — «куда глаза глядят». Кто-то указал на переулочек Серова: мол, там можно найти пристанище. Первое, что она увидела, поднявшись на холм, — длинный стол, а за ним множество людей. Во главе стола — Юра Киселёв. Она даже не сразу поняла, что у него нет ног. Молодая гречанка легко пристала к богемному стану на Киселёвке, хозяйин которой на её недомысленные замечания обычно бросал ей в ответ: «Метакса, ты или дура, или святая!»

Встреча стала вспышкой, искра прошлась по этим чёрным косам дочери Менелая, отразилась в плазме её глаз. Днём — строительство дома для инвалида, а по ночам — по-настоящему чёрное море с лунной дорожкой, в которое скатывалась с киловой горки компания киселёвских «обормотников». Клеймо Коктебеля отпечаталось фестонно

Татьяна
Метакса

на сердце. Да, она оказалась заклеимённой, если и не как мушкетёрская миледи — лилий; кстати, реальная героиня Жанна де ла Мотт похоронена по соседству, в Старом Крыму, — но заклеимённой этим местом, этой энергией, этой свободой. На этих же тропках, по которым избежала юная Цветаева. Где же и бродить в августе, как не по коктейльским тропам на фоне такого моря, при таких облаках, под такими звёздами? Где же и шуршать листьям в октябре, как не в Сокольниках?

Москва

«Москва — любимейший город, который не променяю ни на какой другой. Я очень хорошо знаю и люблю старую Москву. И как родилась на Самokatной улице на берегах Яузы, так и осталась в том же пространстве. И сейчас живу только по другую сторону реки. И часто в прогулках с мужем мы переходим мостик, и я оказываюсь в стране моего детства. Это удивительно, но дом, в котором я родилась, стоит до сих пор. Я могу смотреть на него и вспоминать...»

Жизнь — несомненно, лучший способ приобрести воспоминания. Родной город — ежечасно исполняемая симфония. Чтобы услышать её, достаточно ступить на эти площади, улицы, бульвары. И она знает по особым меткам — осветится внезапно окно, склонится в приветствии деревце, — что любовь её к городу взаимна. Ещё бы, ведь Москва открывалась ей с самого раннего детства, с высоты папиного плеча — панорамой воздушных шариков и красных флажков. Как красная девица, Москва особенно охотно показывала своё умытое личико в дни праздничных гуляний. С людским морем влиться на Красную площадь, вдохнуть её энергию, ощутить мощь кремлёвских башен с рубиновыми звёздами. И спустя более полувека с тем

же победным чувством ступить на мощёную грудь этой же площади, чтобы пронести портрет отца в ряду Бессмертного полка в честь семидесятилетия Победы. Так явно ощущать его присутствие рядом, а ему — плечо боевых товарищей, что в тот день проплывали в московском майском небе своим небесным полком.

Всегда ложатся радостью на сердце вернисажи выставок в Кремле. Особым торжественным тоном звучит стройная, как корабельная мачта, колокольня Ивана Великого на Соборной площади. Но и со светлой колокольни не зазорно спикировать на знаменитую Хитровку, пройти вдоль исторического ночлежного дома, ставшего с его обитателями главным героем пьесы Максима Горького «На дне», завернуть на чашку кофе в тогдашний Кабак, куда, дабы проникнуться духом хитровской ночлежки, тянул за собой Станиславского неугомонный «дядя Гиляй». Да, не зазорно закружиться карнавалом старинных выщербленных переулков, а потом поднять голову к золотым крестам московских многочисленных храмов. Хорошо, что их много сегодня в Москве.

Музей

«В начале 1930-х годов музей Востока получил постоянное пристанище в бывшей церкви Илии Пророка на улице Воронцово Поле. Мы помним, что десятилетиями многие музеи, их запасники и архивы стояли станом в храмовых помещениях. Сейчас всё вернулось на свои места. Первая моя экскурсия, которую я подготовила и провела в нашем музее, была посвящена искусству Древней Индии. Возможно, отсюда возник постоянный интерес к буддизму. Отдавая дань всему лучезарному Востоку, не могу не отметить искусство Японии, их сосредоточенности на эстетике. В японской живописи, удивительной по красоте чайной церемонии, чьи истоки в Древнем Китае, меня неизменно привлекает изысканность и утончённое благородство».

Большая дружная семья Метаксы всегда была связана с искусством. Это уловила ещё классный руководитель и на одном из вечеров встреч класса прямо дала Татьяне отмашку на музей Востока. Здесь, в этих залах, началось её восхождение от внештатного сотрудника до советника. Восток привык прятать свои тайны, но только не от тех, кто искренне его любит, с преданными он готов поделиться своей мудростью. Неторопливый Восток подарил погружённость в себя, медитацию, ощущение прежде всего ценности и радости жизни. Недаром любимое изречение Татьяны Метаксы тоже с восточным привкусом от Омара Хайяма: «Нести легко тяжёлой жизни груз».

За более чем вековое существование в Москве Государственный музей Востока, собравший под

своё крыло сто пятьдесят тысяч экспонатов, стал настоящим домом дружбы, не застывшим золотым фонтаном на Центральной алее ВДНХ, хотя и тот прекрасен, а точкой, в которой пересекаются все мировые музеи. Живой, открытый для общения дом помнит километровые очереди, завораживающие хвостом дракона на Никитский бульвар, на знаковые выставки: Н. К. и С. Н. Рёрихов (1984–1985), «Оружие и доспехи самураев» (2008–2009).

В гербе России — страны с приглянувшимся ей в оные времена православием — недаром поселился и перелетевший из той же Византии символ — орёл, птица с зорким зрением, могучими крепкими крыльями. И, как ведают старцы, есть люди, которые на своих руках-крыльях могут держать сотни людей. На славянско-греческих крыльях Татьяны Христофоровны Метаксы — подвиг ежедневного в течение пятидесяти трёх лет явления в залах музея, пропускающего в год сто тысяч посетителей. Мистически повторяющийся маршрут от Немецкой слободы — мест юности Петра Первого — до высшей точки ликования поэта, который венчался здесь, у Никитских Ворот, в храме Большое Вознесение, в десяти минутах ходьбы пешком.

За готовность служить Родине и людям, укреплять дружбу между странами у неё четыре государственных награды: орден Дружбы (Россия, 2002); орден Почёта (Россия, 2007); орден за вклад в укрепление российско-японских культурных связей звучит особенно поэтично — орден Восходящего солнца V степени с Золотыми и Серебряными лучами (Япония, 2021); медаль «Дружба» (Монголия, 2021).

И сегодня она переступит порог бывшего дома дворян Луниных, поднимется на третий этаж в свой кабинет. Кабинет советника в тонах закатов и рассветов Николая Рёриха освещает пара розовых фламинго — картина Николая Костромитина, талантливый художник и просто родного человека.

В кабинет, робея, заглянет начинающий экскурсовод в надежде получить ценный совет, опытный куратор обратится к Метаксе за последним одобрением не без ироничной подсказки. И те, и другие нуждаются прежде всего в её сердечности. Только этим светом освещается тайна посвящения в магию Востока. Единственное, что в этом кабинете она не будет обсуждать, так это светские сплетни, или говорить с вами о котлетах: во-первых, ей это по-настоящему неинтересно, а потом, каждую секунду своего времени она сохраняет себя для культуры. Кабинет распахнут и для обычных посетителей. Из последних лучшие и самые талантливые, разумеется, — это дети с их всегда неожиданными вопросами, пытливыми взглядами.

Волошинский устав «Ордена Обормотов», закрепивший единственную заповедь: «Любовь к людям и внесение доли в интеллектуальную жизнь дома-музея», — осуществляется здесь полноценно.

«Великий грек»

«Как только не называли великого коллекционера, „великого грека“ Георгия Дионисовича Костаки — и сумасшедший грек, и грек-чудак, дядя Жорж — так звали его неунывающие московские художники-нонконформисты. Для меня он всегда был дядей Юрой, очень сентиментальный, ироничный, очень щедрый. Многие, включая коллекционеров, не понимали, зачем он собирает совершенно непонятное искусство. А Георгий Дионисович был страстно, трепетно влюблён в русский авангард, в настоящий, ранний русский авангард. Он родился в России. И, будучи по крови чистым эллином, всегда считал себя русским. В моей памяти картинка из прошлого: за обильным столом, уставленном по всем правилам старинного московского гостеприимства яствами, дядя Юра наигрывает на гитаре, а его красавица-жена тётя Зина, обладательница прекрасного сопрано, исполняет классический русский романс».

По заверению Александра Сергеевича Пушкина, «мы ленивы и нелюбопытны». А вот греки — ленивы, однако любопытны. Разве не это качество заставляет повсюду искать дверцу с нарисованным очагом, чтобы проткнуть её своим длинным носом? В необозримой галактике коллекционирования Георгий Дионисович Костаки открыл новое созвездие, совершил невероятное.

Вот как он сам вспоминал об этом: «Я собирал и старых голландцев, и фарфор, и русское серебро, и ковры, и ткани... А мне хотелось сделать что-то необыкновенное». Совершенно случайно он попал в одну московскую квартиру, где его внимание привлекли несколько полотен авангардистов, среди которых находилась работа Ольги Розановой «Зелёная полоса», написанная в 1917 году. У него очень была развита интуиция. Купив эти работы, он принёс их домой и повесил рядом с голландцами.

«Было такое ощущение, как будто я жил в комнате с зашторенными окнами, а теперь они распахнулись, и в них ворвалось солнце». Произошло это в 1946 году. С того дня он решил расстаться с тем, что уже сумел собрать, и приобретать только авангард.

Если бы не Костаки, то большинство работ просто погибло бы на свалках, так как в Советском Союзе никто, включая коллекционеров, этим направлением не интересовался.

«Считали, что он собирает мусор, что это никогда не будет признано и оценено, что он занимается просто какой-то чертовщиной», — вспоминала его дочь Алики Костаки. Да, если бы не страсть и не талант Костаки, у нас не было бы сегодня столько полотен Кандинского, Малевича, Шагала, Лентулова, Филонова, Родченко.

Другим увлечением Георгия Костаки стало древнерусское искусство. Отец Георгия, как человек верующий, ещё в 1930-е годы спасал церковные

ценности: ризы, иконы в окладах. Интерес к иконам передался сыну.

Третьим увлечением любопытного грека стали работы нонконформистов.

Георгий Дионисович давно мечтал о музее авангарда в Москве, но тогда частных музеев не существовало. К сожалению, этой мечте великого коллекционера не осуществиться. В 1977 году, перед отъездом на родину, в Грецию, большую часть — восемьдесят процентов своей коллекции — он оставил в России. 834 произведения, из которых 142 живописные работы и 692 графические, составили фонд авангарда Третьяковской галереи. 51 икону передали музею имени Рублёва. Уникальная коллекция старинной русской игрушки, приобретённая Костаки у наследников театрального актёра Церетели, нашла приют в Царицыно. Несколько лет назад в Государственной Третьяковской галерее был открыт зал, посвящённый Георгию Дионисовичу Костаки. Музей AZ Анатолия Зверева, которого так любил и поддерживал Георгий Костаки, получил от дочери коллекционера Алики Костаки 600 работ и архивных документов Анатолия Зверева.

«Одевайтесь как цветок!»

«Внешний образ — это всегда часть меня. Но всё идёт не от желания покрасоваться, а от внутреннего комфорта. Люблю восточную одежду: туники, халаты, чапаны, кимоно. Несмотря на определённую эклектику в подборе наряда, всё-таки, если на мне надет японский халат „хаори“, он не может быть дополнен среднеазиатскими украшениями. Всё должно быть в тему. Мой костюм всегда дополнит головной убор, главная интрига образа. Все так уже привыкли к этому, что забавно бывает, если на какой-нибудь вернисаж я прихожу без него, непременно услышать вопрос: „А где твоя тибетейка?“»

Любопытно, что греческое слово «метакси» переводится как «шёлк». В Татьяниним обиходе штучки разматываемых тканей привычны, как воздух и вода. Кто-то умывается колодезной водой, она лично умывается материей. Да всё такое необычное доставляют ей караваны с Востока: не успеваешь один наряд разглядеть, как наутро его сменяет другой.

Осуществляя право на эстетический образ в его царственной византийской природе, Татьяна Метакса заслуженно находится сегодня в ряду невероятных личностей, одна из которых, Лиля Брик, в выборе нарядов всегда руководствовалась только собственным вкусом. Золотое платье яркой индивидуалистки из блистающей ткани по эскизу Варвары Степановой дополняла косынка на голове с авангардным принтом от Любови Поповой. Свет от абажура, обтянутого фиолетовой тканью, оттенял белизну кожи её рук. Много лет Лиля Брик возвышалась в Москве эдаким эстетическим маяком

Татьяна
Метакса

над серой однородной массой, задев смертельным лезвием своего луча Маяковского.

В начале 1970-х годов Лиля Юрьевна, переступив порог музея Востока, посетила выставку художника Василия Шухаева. Татьяна Метакса, всегда любившая поэзию Маяковского, увидела маленькую женщину с рыжими косичками под руку с неким господином. Музею Маяковского тогда было уже за восемьдесят, но до самого последнего дня её руки украшали кольца, на шее — ожерелья. Дружба французского модельера Ива Сен-Лорана с Лилей Брик продлилась тридцать пять лет.

Знаковые кутюрье Джон Гальяно, Жан-Поль Готье каждый в своё время посетили музей на Никитском бульваре, восхищаясь равно как восточными коллекциями, так и проводником по залам музея. Сегодня в Москве Татьяна Христовна Метакса — одна из первых, кто следует завету кудесника Дягилевских сезонов Льва Бакста, обращавшегося к женщинам с наставлением: «Одевайтесь как цветок!» Неслучайно к экзотическому восточному цветку выстраивается очередь из художников писать её портреты.

Но для красивой женщины, окутанной в шёлк, цветок — не тривиальное растение в горшке. Благородному достоинству и красоте простоты в образе Татьяна учится как раз у цветов.

«Наблюдение за жизнью цветка — весьма философский процесс: от бутона через пору цветения до неминуемого увядания, но желание до последней минуты дарить красоту. Возможно, это покажется несколько абсурдным, но я могу сравнить это с жизнью великих артистов. Абсолютное служение профессии, до последней минуты, до последнего вздоха на сцене. Для человека творческого, человека театра, музея его жизнь заканчивается только с его последним вздохом».

Есть на Никитском бульваре дом, в котором удивительная женщина в восточных нарядах с завидным постоянством бескорыстно дарит нам свою красоту и эмоции. Со временем наряды могут обветшать, но мы знаем также и главное: материя её души прочная, не износится никогда.